

СУДЬБА РОМАНА

Предисловие автора

Мздание этой книги задержалось изрядно, лет на 35 — около того. Сначала я ждал и надеялся, позже уразумел, что надежды и ожидания напрасны, роман живет своей жизнью — независимой, отдельной, никому не подвластной. 35 лет — много или мало? С точки зрения истории — мгновение. В жизни человека 35 лет — пропасть времени.

Явление романа в мир предопределено свыше и сродни приходу незаурядной исторической личности, оно зреет втуне, и книга явится, как предначертано, в нужном месте, в нужный час.

Роман «Небесный Ковш (Бэйдоу)» я писал в кругосветном плавании. Тогда случилась неправдоподобная, можно сказать, волшебная оказия — дивная командировка, длившаяся семь месяцев, с пересадками в чужих портах и с борта на борт в открытом море. Днем и ночью в долгих океанских переходах неотвязно, неотлучно, неотступно меня занимали два персонажа, русский и китаец, встреченные мною прежде в разных концах земного пространства. Они не давали покоя, владели мыслями, преследовали и не отпускали.

С
У
Д
Ь
Б
А
Р
О
М
А
Н
А

После вахты на ходовом мостике я спускался в каюту и кропотливо переключал мысли на бумагу, шаг за шагом брел ощупью от страницы к странице, старательно одолевая главу за главой. Еще раньше неумная страсть к дальним странствиям привела меня в Терней, маленький горный поселок на берегу Японского моря. Он лежал в распадке среди высоких сопок, густо поросших фиолетовым багульником. Это был Сихотэ-Алинь, дебри и чащи, медвежий угол, край света, даль несусветная, глухомань. Стоило выйти за околицу, следы тигра попадались довольно часто. Но и это был еще не конец пути. Я жил в бревенчатой заимке на таежном кордоне в полусотне километров от Тернея, где отшельником нес службу егеря обширного заповедника.

Егеря была странной фигурой для тамошних мест. Среди неограниченного и необъятного простора он мнил себя последним и единственным хранителем и защитником первозданной девственной природы. Старик не давал никому охотиться в заповеднике — ни родне, ни знакомым, ни местному или заезжему начальству. Он и сам никогда там не охотился, уходил на сопредельную территорию. В заповеднике природа должна была существовать сама по себе, естественным образом, без участия и вмешательства человека. Граница заповедника была для егеря рубежом между «можно» и «нельзя», который присутствует, надо полагать, в каждом из нас. Кстати сказать, народ в тех краях тертый, нравы и поныне жестокие, браконьеры жалости не знают. Понятно, что все годы егеря изо дня в день подвергался смертельному риску.

Спустя некоторое время я гостил в Сингапуре на вилле богатого китайца, каучукового магната. Как и

С
У
Д
В
Б
А

Р
О
М
А
Т
А

егерь заповедника, китаец оказался странной личностью. Ему отдавали должное за редкую честность в делах, он всегда держал слово, репутация неизменно оставалась безупречной. Вдобавок ко всему китаец славился неустанной и неусыпной борьбой с наркотиками, выделял на это значительные средства. Для международных картелей и синдикатов он был как кость в горле, как бельмо на глазу.

И на русского егеря, и на китайского промышленника не раз покушались, обоим постоянно угрожала опасность. Тот и другой родились под знаком Бэйдоу, Небесного Ковша, что на русский лад означает Большую Медведицу. По китайскому поверью, тот, кто родился под знаком Бэйдоу, обречен блюсти честь и верность долгу, несмотря на все напасти, происки, вражду, опасность, невзгоды и превратности судьбы. Никакие угрозы и препятствия не могут его напугать, остановить, заставить сдаться или свернуть с пути, он всегда идет до конца. Надо ли говорить, в жизни обоих победы чередовались с поражениями.

Закончив роман, я вскоре понял, что его ждет нелегкая судьба: машинистка потеряла рукопись. Это был дурной знак — свидетельство печальной участи, которую высшие силы уготовили книге: потеря и впредь сулила неудачи. Позже рукопись нашлась, но я уже не доверял всем машинисткам на свете и перепечатал роман собственноручно. Тогда дули ветры перемен, брезжила горбачевская оттепель, объявлялись гласность, свобода слова, и я надеялся, что, несмотря на inferнальные мотивы, роман удастся опубликовать. Начать я решил как бы по тематическому признаку и отправился в скромный журнал «Дружба народов». Правда, тираж на то время он имел

солидный: миллион сто тридцать пять тысяч. Прежде старинную конюшню на Поварской улице, в которой помещалась редакция, я никогда не посещал. Встретили меня приветливо, знали понаслышке. К тому времени я издал большую книгу прозы в издательстве «Советский писатель», время от времени публиковался в других журналах, фильмы по моим сценариям шли в массовом прокате и по телевидению, за сценарии я получил несколько премий. Словом, хотя возник я на пороге конюшни с улицы и без рекомендаций, но отнеслись ко мне доброжелательно, члены редколлегии прочитали роман, написали одобрительные рецензии. Самый подробный и хвалебный отзыв дал заместитель главного редактора Бронислав Холопов, с которым мы и знакомы-то не были. Он и на коллегии, как мне рассказывали, горячо ратовал за публикацию. Его поддержали Лев Аннинский и Руденко-Десняк, другой заместитель главного редактора. Впрочем, никто особенно не возражал. Некоторые бдительные дамы высказали опасения по поводу эзотерической окраски романа. Так или иначе, коллегия решила роман публиковать. Я ждал решения в коридоре, Холопов пожал мне руку: «Ты даже сам пока не знаешь, что написал. Поздравляю тебя, журнал и нас! Роман ждет большое будущее».

Под «Небесный Ковш» определили ноябрьский номер журнала, № 11. Я спокойно ждал урочного часа и надеялся, что уже никто, ничто никоим образом не помешает публикации. Как бы не так! Вдруг стало известно, что редакцию перетряхивают, состав в корне меняют. На прозу пришел новый заведующий, юный критик, выпускник пединститута, смахивающий на древнего перса с античного медальона. Он привел

С
У
Д
В
Б
А
П
О
М
А
Т
А

свою клиентуру, близких ему авторов и, чтобы расчистить место, предложил уполовинить роман. Кромсать «Небесный Ковш» я не дал, публикацию отложил. Пришельцы отнеслись к роману неодобрительно, с явным и заведомым предубеждением. Они заметно чего-то опасались, предвидели трудности, снова и снова нервно обсуждали текст. Дескать, мистика, непонятные символы и знамения, чужая философия, разобщенность людей, жестокие нравы, идейные противоречия, то да сё, пятое-десятое. Предчувствия меня не обманывали: над романом, похоже, сгущались тучи, витал злой рок.

Я отнес рукопись в журнал «Новый мир», где уже печатался раньше. Наталия Михайловна Долотова, опытный редактор отдела прозы, проработавшая в журнале много лет, уже через неделю звонила автору. Оценка звучит нескромно, но делать нечего, приходится упомянуть, из песни слова не выкинешь: «Спасибо, получила удовольствие. По работе мне приходится читать много современной прозы. Буквально поток. Ваш роман один из немногих лучших. Сегодня, может быть, самый лучший». Наталия Михайловна вынесла «Небесный Ковш» на обсуждение, и пока редколлегия читала, случилось непредвиденное: редакцию спешно расформировали. Прежние сотрудники ушли, появились новые, рукопись мне вернули без объяснения причин. Могло сдаться, роман обладает тайным влиянием и оказывает невидимое, но сокрушительное воздействие.

Я обратился в другие журналы и обошел десяток издательств. Где-то казалось, вот-вот улыбнется удача, следом просыпалась надежда, но обстоятельства внезапно круто менялись, и я получал отказ. Чаше руко-

С
У
Д
Ь
Б
Е
А

П
О
М
А
Т
А

пись возвращали молча, застенчиво прятали глаза, точно стыдились чего-то, или по непонятной причине робко и наспех бормотали оправдания. В конце концов я понял со всей определенностью: ВРЕМЯ ЕЩЕ НЕ ПРИШЛО. Я спрятал рукопись в дальний архив и постарался о ней забыть.

Забыть, к счастью, удалось. Работа продолжалась, я успешно издавал новые книги, печатался в журналах, писал сценарии, которые экранизировали на разных студиях, побеждал в конкурсах и получал премии, «Небесный Ковш» лежал под спудом, никто о нем не вспоминал. Лишь однажды спустя 10 лет, в 1995-м, кому-то из редакторов большой газеты «Сегодня» пришло на память, что ему когда-то попадался роман «Небесный Ковш (Бэйдоу)». Найти автора не составляло труда. Печатать решили по главам: одна глава в неделю под рубрикой «Чтение» с фотографиями, сделанными автором в местах действия. Текста хватало на полгода, однако напечатали лишь две главы, «русскую» и «китайскую», в двух номерах газеты. Тем и ограничились, хотя опыт сочли удачным, публикация вызвала повышенный интерес. Наиболее активно откликнулись две категории населения: китаеведы и охотники. Первые решили, что текст мог написать только китаец, вторые — следопыт-охотник.

Рукопись лежала в архиве еще четверть века, 25 лет. Я не думал о ней, не вспоминал, не возвращался к «Небесному Ковшу», полагая, что переломить судьбу — переломить, перешибить, переиначить — удастся лишь необыкновенным способом. Должно произойти что-то неожиданное, сверхъестественное, какая-то гениальная случайность: сойдутся звезды, выпадет карта, грянет гром среди ясного неба.

С
У
Д
Ь
Б
Е
А
Р
О
М
А
Т
А

К реанимации романа приложила руку Наталия Николаевна, моя первая и единственная жена, с которой мы отбыли начальные 50 лет и пошли на второй срок. Мы путешествовали на автомобиле по Великой океанской дороге в Австралии. Дорога — памятник австралийским солдатам Первой мировой войны — повторяет со всеми изгибами береговую линию океана и как бы окаймляет континент.

На закате мы прикатили в Порт-Фэри, уютный городок среди цветущего лугового разнотравья, с густым медовым ароматом, с романтическим старинным маяком на скалистом утесе, с океанским прибоем, оглушительно бьющим в отвесные скалы. Порт-Фэри напоминает английские и норвежские прибрежные городки, полные томления и покоя. На ужине при свечах в ресторане жена с помощью смартфона кочевала по Сети и неожиданно спросила, нравится ли мне название издательства: «Фолиант». «Нравится», — ответил я без лишних раздумий.

Владимир Гоник
Москва, декабрь 2019 г.

С
Ч
Д
Ь
Б
А

Р
О
М
А
Н
А

I

Старик проснулся ни свет ни заря. Обычно он пробуждался долго, брел замороченно впотьмах, выбираясь из небытия, в тающей дреме являлись ему люди, которых он встречал когда-то; он толковал с ними в своих снах и как бы не знал еще, что многих уже нет.

Он встречал их в пору молодости, они оставались в его снах теми, давними, молодыми, а он снился себе стариком, каким был сейчас.

И вот он, старик, разговаривал со своими сверстниками, которые навсегда остались в его памяти молодыми.

В снах появлялись и незнакомцы, должно быть, он встречал их давно, видел мимолетно или перекинулся словом, и память прочно схоронила их, но в снах они вдруг необъяснимо оживали.

Иногда ему снились далекие города, он бывал во многих из них, раскиданных по всей земле, и сей-

лись, окоченев. Лишь треснет изредка в лесу ветка да иной раз лопнет гулко расколотый морозом лежалый ствол: по теплу палые деревья набирались влаги, а в мороз становились хрупкими, как стекло.

Старик знал, что он здесь один. Кому шастать нынче в лесу, когда у порога мороз закладывает дыхание и отшибает память? Да и какая нужда погонит сейчас человека из тепла, если привычный к стуже зверь может околеть в такую ночь.

И все же кто-то позвал его, старик мог ручаться. Чей-то зов возник неведомо где, долетел и коснулся слуха. И не сказать, чтобы голос, нет, а послышалось внятно.

А и то правда, не одним голосом можно позвать, ведь не кричала давней осенью жена, не кликала в голос, когда приспичило рожать, но лишь молила про себя, звала мужа молчком, а он услышал за много верст, кинулся опрометью к ней.

С ним иногда случалось: чей-то безмолвный голос настигал его вдруг, как гром среди ясного неба, странный зов — невесть чей и откуда.

Старик знал, что уже не уснет, как ни старайся. Впрочем, какой сон, ночь шла на убыль, даром что темно.

Он поднялся, зажег керосиновую лампу: свет упал на дощатый с черными щелями стол и, слабея, с трудом достиг стен; в углах держался полумрак, тени ломко шевелились на стенах и как бы уползали в темноту между бревнами.

Старик затопил печь и, когда огонь с легким гулом и треском живо взялся, пробил в ведре тонкий ледок и зачерпнул, точно в проруби, воду, умылся и наполнил чайник.

Е
Л
А
Д
И
М
И
Р

Г
О
Т
И
И
К